

Семен Давшан

Темно. Только изредка на небе появляются яркие, отдающие металлическим блеском яркие вспышки молний. После - глухой раскат грома. Медленно приближается гроза. Вылет в таких условиях не лучшая затея, но приказ есть приказ. Все такие операции проводятся глубокой ночью, когда немец не так бдителен и можно доставить важный груз незаметно для его глаз.

Ветер мягко колыхает помятую самолетным шасси траву, на ночном небосклоне четко видны кроны высоких, стройных тополей. Летняя гроза одна из самых прекрасных. Тишину нарушает приказ: на позицию!

1

Дорога в деревню показалась мне необычно широкой, как взлетная полоса. Дома словно расступились, и все пространство занял душный воздух и свежие краски облаков. Три дня все предвещало грозу, которая может очистить мысли и освежить. И, скорее всего, случится она сегодня ночью. Я шагал, и дышал, и думал. Думал о родителях, о родном доме, о проклятых фашистах, думающих отобрать самое ценное в человеческой жизни – Родину. Ну ничего, мы еще покажем! Думал и о командире эскадрильи капитане Прохорове, от которого в немалой степени зависела моя дальнейшая судьба. Бывало до Прохорова не достучишься – ровно винт самолетный, все от себя отметаает, - а теперь вот сам позвал. Мне даже подумалось – встретит меня сейчас с легкой укоризненной улыбкой: «Ну вот, как бывает, а ты не верил. Вот так...» И тогда прощай родная эскадрилья, друзья-летчики, с которыми совершил не один опасный вылет, молодняк, с которым возился как курица с цыплятами.

Я прибыл в его группу в начале 43 года, когда его перевели с Челябинского военного училища. Рвался на фронт, в бой, его не пускали. Однажды в конце зимы я так разгорячился, что, ударив о землю шлемофоном, с горькой досадой выпалил:

- Фашисты бомбят наши города, а мы тут прохлаждаемся!

У капитана Прохорова внутри что-то дрогнуло, но виду он не подал, лишь понимающе взглянул: «Ну-ну, что еще скажешь, молодой штурман?»

2

Прибыв в Васильевку, я направился в штаб, находившийся в одной из бывших изб. Кроме меня, на место прибыли еще два летчика: никогда не унывающий украинец Павленко и отличающийся невероятной меткостью грузин Бадридзе.

- Война пришла к нам, - сказал Прохоров, как отрубил. – Не сегодня завтра фашистские самолеты могут появиться и над нашим аэродромом. Необходимо сегодня же ночью доставить партизанам продовольствие и вооружение.

Когда ценный груз был доставлен, мы заметили приближении противника. Лил дождь, но было необходимо что-то предпринять, иначе вся операция прошла зря. Небо казалось огромным. «Юнкерс» едва угадывался в предрассветной синей небесной стуже. Мой «Си-47» брал высоту метр за метром, расстояние между самолетами сокращалось, но фашиста не удавалось поймать в прицел. Но я не дам ему уйти, лучше погибнуть самому, чем отпустить врага!

Ведь, это небо, этот простор – мой дом! И я готов защищать его до последнего, даже ценой собственной жизни. У меня есть оружие в тысячу раз сильнее любого пулемета или пушки, оно всегда со мной – в моем сердце, в моем сознании, в моей крови. Это любовь к Отечеству, сила духа и правоты.

Мне необходимо родное просторное небо, которое поможет расправить крылья и врезаться винтом в ненавистный вражеский металл раньше, чем враг откроет огневой вихрь.

И вот он – молниеносный, мощный таранный удар. «Юнкерс» качнулся, передернулся и рухнул вниз, а поток воздуха разорвал его надвое.

Я камнем падал к земле. Во время удара меня выбросило из кабины, но я вспомнил о парашюте и рванул кольцо из последних сил...